

11.04-25.09.04
(сентябрь)

Калиш Виктор Яковлевич
(40-летие со дня рождения)

Театр Калиша

Сорок дней нет на свете Виктора Яковлевича Калиша. Ни поверить в это, ни смириться с этим невозможно.

"Из сладкого люблю только женщин", — всегда говорил Витя, когда ему предлагали конфеты или пирожные. Шутка была молодеческой и мало кто знал, что у Вити диабет, болезнь, ставшая для него смертельной. В последние годы болезнь прогрессировала, но он продолжал ездить в бесконечные командировки на фестивали (многие из которых как, например, "Театр без границ", "Царь-сказка", он инициировал, составлял программу, приглашал участников), в дальние города и веси, открывая на карте новые театры, новые режиссерские и актерские имена. Но и тогда, когда поездки стали невозможны, не переставал работать, писать, бороться с болезнью до последнего часа.

Отлично помню Витю в пору его учебы, мы учились в ЛГИТ-МиКе на театроведческом в одно время. Поднявшись по лестнице зубовского особняка на Исаакиевской, можно было видеть Калиша, вальяжно сидевшего в кресле у огромного круглого стола в фойе между выставкой музыкальных инструментов и Зеленым залом. Он уже тогда был похож на мэтра. О нем на факультете ходили легенды. Его учитель Владимир Александрович Сахновский относился к Вите восторженно, он видел в Калише не студента, а коллегу и соратника.

Спустя годы, после переезда в Москву, я оказалась в составе команды критиков, обсуждавших в еще несгоревшем Доме Актера московские гастроли Чувашского театра. Тут я впервые смогла ощутить Витин талант златоуста и главного специалиста по периферии, казалось (и так оно и было), он знал все об истории, настоящем, и даже будущем обсуждаемого коллектива, о его руководителе и каждом актере труппы. Потом мне посчастливилось часто работать с Витей. Надо сказать, что работать с ним было комфортно, легко. Витя умел снимать напряжение (ведь устный жанр отличается от письменного, слово — не воробей, вылетит — не поймаешь, трудно наперед просчитать, предсказать реакцию зала, состоящего из практиков). Калиш замечательно руководил процессом. Он вел обсуждения виртуозно, изумительно делал вступления-заклучения, на ходу импровизировал восхитительные связки между монологами выступавших. Витя всегда внимательно следил за реакцией слушателей, если замечал усталость аудитории, давал ей разрядку. Такой разрядкой могли стать каламбур (Витины bon mot уже давно стали пословицами в нашем цехе), и случай из жизни, и театральная байка, и старый, но блестяще рассказанный анекдот к месту. Притом, что Витя редко разделял мнение коллег, он никогда не устраивал полемики, оставаясь неизменно невозмутимым. Его заботила проблема ансамбля, он как никто знал, что такое "чувство локтя".

И все же место Вити Калиша в нашем деле трудно определить как "одного из лучших знатоков и историографов российской провинции, или

"замечательного специалиста в жанре устной критики", хотя и то, и другое утверждения верны. Сверхзадачей его жизни было объединить, сблизить критиков и творцов-практиков, он болезненно относился к конфликтам, конфронтации сторон. Витя Калиш создал уникальный жанр ТЕАТРАЛИЗОВАННОГО критического анализа. Он критиковал (порой, очень едко) так, что в конце выступления критикуемые устраивали ему овацию. Его артистизм был столь высок, что нередко режиссеры и ак-

теры признавали выступления Калиша лучшими "спектаклями" фестиваля или традиционных "итогов сезона". Тут ему не было равных.

Витя был верным советчиком, помощником в трудной ситуации, ездил разруливать конфликты. Когда было необходимо, — вступал в диалог с властными структурами, доказывал "отцам" города, всей губернии, автономной республике, — какой должна быть политика в области театра, требовал режима благоприятствования, материальной под-

держки и так далее. В его солидном облике, уверенной интонации было нечто весомое, значительное, что действовало на сильных мира сего. Впрочем, сам Витя, как известно, не нажил даже своего угла, до последних дней ютился с Ниной и Юлей в маленькой квартирке, которую снимал. Но никогда не жаловался.

Калиш считал, что критик не должен портить праздника. Напротив, он сам культивировал вокруг себя приподнятое, праздничное настроение. Витя придумывал бесконечные иг-

ры, призывая критиков принять в этих играх деятельное участие. Помню, в Самаре на "Золотой репке" Калиш изощрялся в придумывании "кличек" для гостей фестиваля. Он переименовывал гостей и хозяев, оставляя неизменными инициалы. Так среди всегдашних "Репки" появились Аметист Яхонтович (А.Я.Шапиро), Занзибар Ягуарович (З.Я.Корогодский), Искрида Сердцеедовна (И.С.Кузьмина) и так далее. Помню, мы долго и нудно пытались придумать прозвище для самого Виктора Яковлевича, но сколько ни бились, так ничего и не получилось.

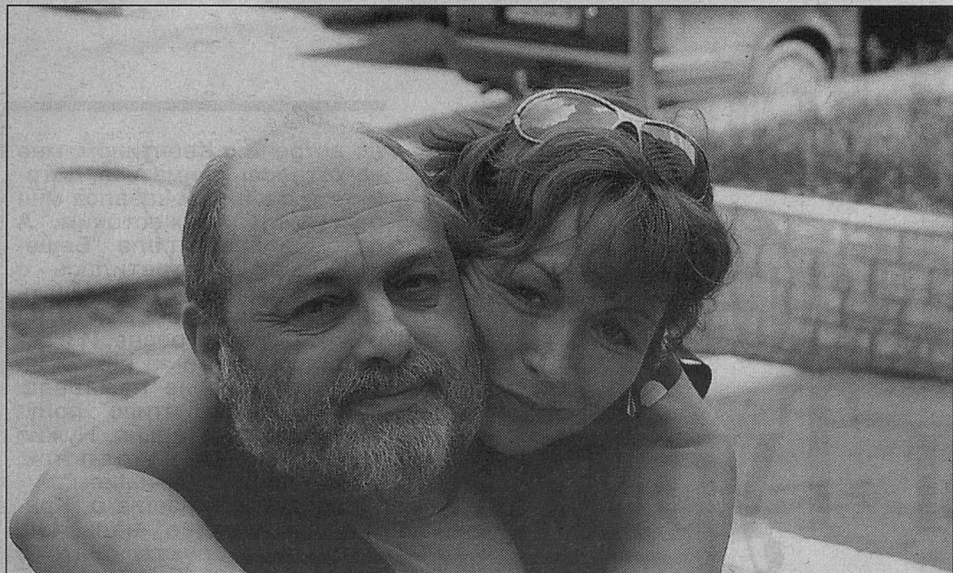
Участие Калиша в фестивале поднимало его престиж, повышало тонус мероприятия. Он любил сочинять капустники, тексты которых он писал на коленке, вовлекал критиков, репетируя с ними неизменно остроумные номера. Витя придумал жанр устной рецензии в стихах. Вот, скажем, "отчет" о фестивале "Русская классика" в Орле, посвященном Леониду Андрееву: "По трупам идет Василиса, кругом православные мрут, любимого травит Анфиса, Иуду за горло берут, в убийстве покается грешник и сам себе руки связал, плюет попугай-пересмешник на критику в зрительный зал. Андреев не стал сумеваться и сделался сразу незрим. А нам-то куда подеваться? Слиянем — так вмиг прогорим. Страдаем мы круглые сутки, втянули нас в эксперимент. Скорей бы любовь институтки вкусила благородный студент, при нынешней дороговизне, живя без воды и тепла, мы скрасили дни нашей жизни, и все-таки жизнь потекла. Спасибо за то, что на пир вы позвали и нас, бедолаг. Так под председательством Чирвы поднимем Андреевский флаг".

На юбилеях Калиша в Доме Актера было весело. В них всегда участвовали актеры, но сам юбиляр казался артистичнее профессионалов. Витя любил собирать людей, заражать их радостью непринужденного общения. Он был непревзойденным тамадой, душой общества, в котором со временем становилось все меньше истинного братства и искренней доброжелательности. Уход Виктора Яковлевича многим показался символическим. Его место останется не занятым. И дело не только в уникальности личности Калиша, но и в том, что сам жанр русской устной критики, которого нет нигде в мире, умирает, причин тому не счесть. Кто-то искренне верит, что реклама театру важнее всяческих обсуждений, но есть и другой печальный аспект: дефицит авторитетного слова.

Слово Калиша было авторитетным для многих российских театров, режиссеров, актеров страны. Осиротели Витины семинаристы, его ученики. Нам еще предстоит осознать его вклад в театральное дело. И сегодня, вспоминая Виктора Яковлевича, мы печатаем малую толику его наследия в жанре театрального капустника, театральной пародии. Витины "рецензии", "поздравления", "посвящения" наследуют афористичным эпиграммам Лоло (Л.Г. Мунштейна — редактора-издателя дореволюционного журнала "Рампа и жизнь") и Арго (поэта, драматурга, либреттиста).

Мы благодарны Нине Карповой за предоставленную читателям возможность прочесть и услышать неподражаемые юмор и интонации Виктора Калиша.

Екатерина
ДМИТРИЕВСКАЯ

Евгениальный вечер с Женей

(программа Евгения Симонова в Геленджике).

Был полон зал, открыта сцена. И как мерило всех мерил, Одетый в смокинг сын Рубена. О вечности заговорил. Мерцали образы и лики, Свеча горела на столе. Серебряного века блики Светились на его челе. Свободный, стильный от природы,

Хоть и не князь, не дворянин, А все же редкостной породы Вальяжный русский армянин. Он нес достоинство и разум... Но, исчерпав высокий стиль, Покончил с классиками разом. Все обращая в водевиль. И памятью его ведома, Возникла в зарисовках вновь Стихия папиного дома, Где смех и слезы, и любовь... О, как изменчива реальность! Как будто строгий смокинг с плеч. Вдруг ниспадала в театральность Академическая речь. А он резвился в этой нови, И все прощал ему Господь. Так голос симоновской крови Обрел вахтанговскую плоть.

Свободин: памятник при жизни...

“Пока Свободиним горим...” (из позднего А.А.Ширвиндта)

Пока Свободиним горим, Как будто в небесах парим. Но чуть пониже забираем, Дымим, чадим и пригораем.

Пока Свободиним горим, Возможно, что-то сотворим. Но если уровень теряем, То не творим, а вытворяем.

Пока Свободиним горим, Театру правду говорим. А не горим, так привираем И стало быть, с огнем играем.

Пока Свободиним горим, Кого угодно уморим. А если тлеем, кто угодно Нас может уморить свободно.

Пока Свободиним горим, Как над собой мы юморим! А если от себя в гипнозе, Уже, считай, почил в бозе.

Пока Свободиним горим, Слова хорошие дарим. За это вечное горенье Люблю тебя, Петра творенье.

Корогодское танго

Я с умиленными слезами, Ломаю вхруст карандаши,

Экран и сцена -

Пишу о Корогодском Зяме До зямы-раня души. Судьбы избранник, дум властитель И фантазер без берегов, Не эпигон, не зяме-ститель, Учитель волею богов.

И я, послушный этой воле Апологет его затей На зямы-нированном поле Искал театр для детей И часто нарушал молчанье, И сокрушался, и ворчал, И делал Зяме зяме-чанья, А Зяма их не зяме-чал.

Благодарю тебя, Создатель, За то, что снова он в чести. Его под общий зяме-нател Молва не в силах подвести. В нем жесткость есть и есть открытость, Он был и признан, и гоним. Но неизбежна зяме-нитость, И Зяма вновь не-зяме-ним.

Когда б мы не были ленивы И не топтались на мели, Зяма-н-чивые перспективы Нам зяма-ячили б вдали. Кто жизнь избрал не для карьеры, Тот никогда не рядовой. Он зяме-носец этой веры, Он зяме-чательно живой. И фантастический, и плотский, И взявший заново разбег Профессор Зяма Корогодский Танцует в XXI век.

Родина Додина

С чего начиналось у Додина, Когда он впервые взлетал? Связался с “Банкротом” он вроде бы, Но сразу обрел капитал. И после “Банкрота”, фактически, Он с тюзовской снялся мели, Чтоб Малый театр драматический Возвысить в масштабах Земли.

С чего начиналось у Додина? Построили с Кацманом “Дом”. Там чудилась малая родина И “Братья и сестры” – при нем. И шли мы толпой, как паломники,

Из разных дворов и миров. Пугали нас “Бесы” бессонницей В течение трех вечеров.

К России любовь не погашена. Но и удержаться нельзя. Стремится душа из Пекашина. По бревнышку дом вывозя. И с теми же чувствами чистыми. И с трупной в десятки голов Начнуты искания истины И поиски пятах углов.

Пространство трагично сужается, И родина стонет, бесясь. А Лева уже продолжается Не там, где разруха и грязь.

От горечи и от иронии, Живя в фантастическом сне, Играет он в мире гармонии О дисгармоничной стране.

И все представляя мифически, И новой покорный судьбе,

Расширенный географически, Он меряет мир по себе. Любя его, чуждый пародии, Я грустно к финалу иду. Лечиться от клаустрофобии Придется в вишневом саду...

Такая у Додина родина...

Двойной портрет

Я давно брожу по свету, Но начало всех начал Там, где я увидел Гету, Там, где Каму повстречал. Навсегда войдут в анналы И вовеки не умрут Их труды и их скандалы В глубине сибирских руд.

Кто синел там от попоек, Кто работал на прогресс, Посреди великихстроек Возводя плотину ГЭС... Там в почете был строитель, Но, чтоб мир не одичал, Красноярский юный зритель Свет из ТЮЗа получал.

Этот ТЮЗ толкали в яму, Комсомол на них стучал. Там спасала Гета Каму, Кама Гету выручал. Как афиша, сразу страсти. Как премьера, тут же шок. И готовили им власти Гетто – Каменный мешок.

Шли комедии и драмы Выше крыши, шире стен. Супер-Гамлет был у Камы, А у Геты – сверх-Скапен. Я возил молву оттуда, Распускал на весь Союз

Как они творили чудо – Диссидентский этот ТЮЗ.

Столько лет с тех пор уплыло, А они опять в чести. И судьбе угодно было Снова в ТЮЗе их свести. И премьер не пропуская, К ним под сень семейных уз Вся московская Тверская Заворачивает в ТЮЗ.

Взлет от спячки до атаки, Семимильные шаги В год булгаковской Собаки, В дostoевские круги. Зал у Геты, зал у Камы, Все заполнено людьми. Это папы, это мамы Потянулись за детьми.

Чтоб вы в детстве не остались, Если в ТЮЗ вас занесет, Кама даст психоанализ, Гета душу потрясет. Я влюбляюсь в их артистов, И ведут мои следы От подружек декабристов К женам Синей Бороды.

Гета строит ТЮЗ упрямо Не для сонь, не для тихонь. Но порой линяет Кама В театральную Чухонь. Бесконечна панорама, Безупречна эта связь, И беременеет Кама, В театр Геты возвратясь.

Два пути одной идеи, Берега одной реки, Мудрецы и лицедеи, Чудаки и вожаки... При любой плохой погоде Плотнотворен их союз, Ведь в игровой их колоде Есть всегда козырный ТЮЗ.

Сережка с Малой Бронной и Витька рецензент

Афише во спасенье, наивен, чист и свят, Приехал в воскресенье “Колдун, обманщик, сват”. И зритель восхищенный – и русский, и любой – Театр на Малой Бронной хвалил наперебой.

Традиций не ломая, куражился, Сережка Тарамаев в шубейке меховой. Мы приняли на веру старинные века, Вживаясь в атмосферу Сережкина лубка.

Но взгляд изволь излить-ка на этот хор-балет. И пишет критик Витька рецензию-куплет. Почуял критик сонный, что нынче, сам не свой, Сережка с Малой Бронной в стихии смеховой.

Господь наш был растроган и сразу всех простил, Когда директор Коган такое допустил. Открылась эстафета прозрачно, как ручей, От бывшего ГОСЕТА до новых “Русичей”.

Наступит понедельник, и это будет жаль, “Колдун и сват, и мельник” покинут фестиваль. Вослед им барабанчик, в дорогу им трубач... Ты сам колдун-обманщик, Сережка Женовач.

Выездная модель (100-летие театрального здания в Советске)

У прохожих вы спросите, Что за шум, бум-дзынь и треск, Это в городе Тильзите Приживается гротеск. У отеля бродят шайки, Мистер Пичем за углом.

Малолетки-попрошайки, Перестройка, перелом. Рынки, лавки и бульвары, Нищий критик сам не свой: Трехгрошовые товары, По сравнению с Москвой. Удивляется прохожий, На спектакль взяв билет: Вроде театр – для молодежи, А ему уже сто лет.

Укачали нас качели, Тут кураж от виража. Что за банда у Марчелли! Просто режет без ножа. Так и тянут за кулисы, Норовя зашекотать, Сексуальные актрисы И актеры им под стать. А Марчелли – хиппи светский, И с лица хоть воду пей. Европейец по-советски И советский европей. Фантазер и математик – Все не так, как у людей – Театральный марзматики, Сюр-сюрреальный лицедей.

Но и мы не лыком шиты, Нас за лохов не держи. Все мы, критики, бандиты. Наши перья – как ножи. У акулы зубы клинья, Мы даем Марчелли шанс. Ой, тильзитская малина, Трехгрошовый ренессанс.

Актерская – мушкетерская

Опять мы рецензируем Ленком, Опять о нем пошла писать контора. Но хочется представить крупняком Того, в ком все задатки мушкетера. Кара-Кара-Караченцова знают от и до. В Нью-Йорке, на Малборке, В Париже и Бордо ... Еще б не знали эти зарубежные задворки Российского дублера Бельмондо.

Нужна актеру слава, о-ля-ля, А также и тепло, и чувство дома. Ну, чем бы стал Ленком без Nicola? И что такое Коля без Ленкома? Кара-Кара-Караченцова хриплый баритон

Дразнящая стихия Тилей и Юнон. Но сменит маску, сменит краску И сыграет “Soggy”, Что в русском переводе “миль пардон”.

Нужны актеру деньги. Он король, И никакой казны ему не хватит. Но дай ему неистовую роль, Он сам себя до донышка истратит.

Кара-Кара-Караченцов звучит на все лады, И пусть звучит почаще, не ведая беды. Он в драме, будто в храме, Танцует и гарцует, И любим мы его без бельмонды.

● Одна из последних фотографий
● С актрисой Еленой Стародуб
● С Николаем Жегиним и Юрием Рыбаковым